

С. А. МАЦЫЛЕВ

Беглые встречи. К XX-летию кончины ген. Врангеля

25 ноября 1917 года, когда только что начало смеркаться, к ялтинскому молу подошел и ошвартовался вспомогательный военный крейсер «Король Карл Румынский». На нем находилась смешанная команда из русских и румынских офицеров и матросов.

Уже месяц, как произошел большевистский переворот в Петербурге и Москве, но до Крыма он еще не докатился. Жизнь здесь продолжалась по-прежнему, хотя и ходили тревожные слухи о предстоящих беспорядках и уже начавшихся волнениях в Черноморском флоте и в Севастополе.

Порядок в Ялте поддерживался эскадром Крымского конного полка и местным татарским населением, которое явно было настроено против большевиков.

К этому времени в Ялте скопилось много беженцев с севера, по преимуществу представителей русской знати и бюрократии, а также людей богатых, которые старались жить беспечно, не задумываясь о завтрашнем дне. В санаториях и госпиталях вокруг города находилось большое количество раненых и больных офицеров и солдат.

Ноябрь месяц, как всегда в Крыму, стоял теплый и мягкий. К одиннадцати часам вечера движение по набережной, главной ялтинской улице, на которой были расположены лучшие гостиницы, рестораны и магазины, начало затихать, и мирный городок, прикрытый с севера амфитеатром гор, защищающим его от холодных ветров, постепенно погружался в сон.

Вдруг резкий звук пушечного выстрела прорезал тишину, в горах за городом блеснул огонек разрыва, и через несколько секунд донесся глухой взрыв снаряда, затем все вновь стихло и погрузилось в тишину.

Как потом выяснилось, пьяный матрос — комендор одного из орудий на крейсере решил пошутить и поугагать буржуев. Ночью матросами было разбито и разграблено несколько магазинов на набережной.

На другой день приходился Георгиевский праздник, который отмечался торжественным молебном в соборе и вечером благотворительным концертом в гостинице «Россия».

После молебна в ограде собора в отдельных группах живо обсуждалось происшествие последней ночи. В одной из них, состоящей по преимуществу из офицеров, выделялась высокая, стройная фигура молодого генерала с энергичным, худым, резко очерченным лицом. Одет он был в офицерское пальто мирного времени, в петлице которого виднелась георгиевская ленточка. Он громким голосом говорил, что всем офицерам необходимо теперь же организовать, чтобы в случае нужды дать соответствующий отпор всякой попытке произвести беспорядок. Его внимательно слушали...

— «Кто это такой?..» — спросил в другой группе старичок генерал Прибыльский, постоянный житель Ялты, георгиевский кавалер и ветеран Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Молодой генерал посмотрел в его сторону, потом решительными шагами подошел к нему, отдал честь и громким, несколько резко звучащим голосом сказал: — «Ваше Превосходительство, вы спрашиваете, кто я такой, — позвольте представиться: командующий сводным кавалерийским корпусом генерал-майор барон Врангель...»

Вечером в гостинице «Россия» состоялся назначенный концерт. Ему предшествовали переговоры устроителей с судовым комитетом крейсера, который дал заверение, что порядок нарушен не будет и для его поддержания пришлют наряд матросов.

К назначенному часу большая зала гостиницы наполнилась нарядной, элегантной публикой, среди которой можно было бы назвать с десяток имен, известных всей России.

Перед началом концерта на эстраду вышел молодой матрос, председатель судового комитета, и заявил, что вся команда осуждает поступки несознательных товарищей, которые понесут заслуженное наказание, что все присутствующие могут спокойно веселиться, порядок нарушен не будет.

Зал ответил ему дружными аплодисментами, аплодировали и бывшие сановники, и среди них министр иностранных дел Российского государства Сазонов¹, в руках которого еще недавно находились судьбы Европы.

В первом ряду кресел выделялась высокая фигура Врангеля, он скрестил на груди руки, и в его взгляде можно было прочесть и боль за Россию, и презрение к происходящему...

* * *

В половине января 1918 года Черноморский флот перешел на сторону большевиков. В двадцатых числах месяца в Ялту пришли из Севастополя два миноносца «Хаджибей» и «Калиакрия». В городе находился всего только один эскадрон Крымского конного полка.

Миноносцы открыли огонь из орудий и пулеметов, затем высадили десант и при поддержке местных большевиков без труда овладели городом, оттеснив эскадрон в горы...

Началась расправа с населением. Толпы матросов и городской черни врывались в гостиницы и частные дома, производили обыски, грабили, многих, главным образом офицеров, арестовывали и отводили на мол, где запирали в пакгаузы Русского общества пароходства и торговли. По вечерам с мола доносились звуки частых выстрелов — это большевики расстреливали свои жертвы и трупы сбрасывали в море...

Среди арестованных находился и генерал Врангель. Он чудом избежал расстрела в первые дни ареста. Затем татарское население начало глухо волноваться, большевики были вынуждены прекратить бессудные казни и освободить часть арестованных, в том числе и Врангеля, который у татар пользовался большой популярностью...

Большевики продержались в Ялте до конца апреля месяца, когда Крым был занят немецкими войсками, а они спешно покинули город и на пароходах бежали в Новороссийск.

Месяцы эти были очень тяжелыми для населения. Правда, прекратились массовые расстрелы, имевшие место в первые дни захвата ими власти, но население все время жило под угрозой арестов и казней. Особенно тяжело было положение многочисленных офицеров, находившихся на излечении. Помимо того, что многие из них были арестованы, все они были лишены причитающегося им содержания и остались буквально без всяких средств к существованию.

Столь оживленный и еще так недавно нарядный городок опустел. Все старались сидеть по домам и без крайней нужды не выходить на улицу. Изредка можно было встретить на набережной характерную фигуру Врангеля. Он был одет в статское платье, явно с чужого плеча и так к нему не шедшее, и быстрыми шагами проходил по улице, стараясь не останавливаться и не разговаривать со знакомыми. Жил он за городом на Симферопольском шоссе и редко спускался в город.

Сразу же после прихода немцев, как только представилась возможность, Врангель покинул Ялту и уехал в Добровольческую армию...

* * *

Апрель 1920 года в Севастополе... Только что закончилась Новороссийская трагедия. Остатки частей Добровольческой армии, усталые, измученные, потерявшие веру в успех борьбы, почти без оружия и снаряжения высадились в Крыму. Настроение у всех было подавленное. Генерал Слащов с немногочисленными частями II-го армейского корпуса с трудом сдерживал на перешейках красных от вторжения в Крым.

Генерал Деникин сложил с себя командование армией, передал его Врангелю и покинул Крым.

Врангель приехал из Константинополя, и через несколько дней им был назначен парад на площади около Графской пристани.

С подножия памятника Нахимову² он обратился с кратким словом к войскам о решении продолжать борьбу... И произошло чудо... Войска вновь обрели веру в вожда и в самих себя... Через месяц с небольшим реорганизованная Русская армия стремительным ударом отбросила красных от подступов к Крыму и вышла на простор Северной Таврии...

* * *

В конце октября 1920 года Русская армия под натиском превосходящих сил красных, прорвавших укрепленные позиции под Перекопом, начала отход к портам Черного моря. Отступление происходило в тяжелых условиях, особенно для частей II армейского корпуса, который почти до самого Симферополя вел арриергардные бои с стремительно наседающей красной конницей. Лишь у Симферополя немногочисленным и расстроенным частям удалось оторваться от противника...

Шоссе от Симферополя до Севастополя через Бахчисарай представляло собой движущийся людской поток: отдельные группы пехоты и конницы, орудийные запряжки, зарядные ящики, обозы, экипажи и тачанки неуклонно стремились к морю. Никто толком не знал, что его там ждет, но выдерживала вера, что Врангель сделает все, что в его силах, чтобы вывезти из Крыма остатки армии.

На рассвете 1 ноября небольшая группа офицеров и солдат одной из частей II корпуса, совершенно измученная трехдневным переходом без сна и почти без пищи, приблизилась к Мекензиевым горам. Отсюда должен был открыться вид на Севастополь и рейд, где находятся пароходы, последняя надежда на спасение. Все невольно прибавили шагу. Дорога была забита брошенными повозками, орудиями и всяким имуществом, кое-где по обочинам шоссе, печально опустив головы, бродили лошади, оставленные своими хозяевами. Людей видно не было... Наконец, навстречу попала старуха крестьянка, шедшая из Севастополя.

«Ты из Севастополя, бабушка, — спросил молодой полковник, по-видимому, старший в группе. — Ну, что там делается?.. Много ли пароходов для посадки?..»

Старуха приостановилась, прикрыла глаза рукой, посмотрела на подходивших и заговорила глухим голосом: «Да вы никак, родимые, в Севастополь пробираетесь?.. Что там делается, Боже Ты мой!.. Народу собралось великое множество, а почитай все пароходы уже ушли... Плач стоит, не приведи Бог, люди сами себя убивают... Ворочайтесь назад, уходите в горы, может, как охоронитесь, а в Севастополе все равно пропадете...» — и старуха заковыляла дальше.

Отчаяние охватило всех при этом известии. «Старуха путает, — сказал полковник. — Нужно идти в Севастополь, наверное еще подойдут пароходы, которые нас погрузят...»

Около трех часов дня на берегу Килен-бухты собралось до пятисот человек. Все пароходы уже вышли на внешний рейд, залив был пустынен, около пристаней не видно было ни одной лодки. Начинало смеркаться, со стороны города доносились одиночные ружейные выстрелы, к небу подымались густые столбы дыма и иногда показывались языки пламени — это горела большая мельница Родоканаки, где помещались интендантские склады.

Офицеры и солдаты стояли как бы в оцепенении, всматриваясь воспаленными глазами в пустынную водную гладь залива. Какая-то апатия охватила большинство из них, не было энергии что-то предпринять и на что-то решиться. Некоторые срывали с себя погоны и медленно брели в город.

Вдруг на горизонте показалась небольшая черная точка, которая быстро росла и приближалась к пристани. Через несколько минут можно было различить, что это военный морской катер. Его начищенная медная труба ярко блестела. За десяток саженей от берега он повернул и пошел вдоль пристани. На носу стоял Врангель в офицерском пальто и корниловской фуражке, рядом с ним виднелась фигура адмирала Кедрова³, командующего Черноморским флотом.

Сделав все возможное, чтобы посадить войска на суда, использовав для этого все плавучие средства вплоть до шаланд, которые были взяты на буксир, прежде чем отплыть от берегов Крыма, Врангель решил в последний раз взглянуть, что делается на пристанях и в городе. Погрузить он уже больше никого не мог, все суда были перегружены до отказа...

Толпа на берегу замерла... Большинство взяло под козырек... Какой-то молодой солдатик негромким голосом закричал ура, но его никто не поддержал. Врангель смотрел на обреченных людей, его лицо исказилось от боли и страдания за них... Сделать для них он уже ничего не мог... Он отдал честь, катер повернул и начал быстро уходить в море...

* * *

После исключительно тяжелого пребывания на перегруженных пароходах в течение нескольких недель, зачастую без воды и без пищи, части эвакуированной из Крыма Русской армии начали высаживаться на Галлиполийском полуострове, предназначенном союзным командованием в Константинополе для их временного размещения.

На судах, которые шли в Галлиполи, слухи были самые разногласившие. Измученные люди хотели верить, что они найдут там оборудованный лагерь, возможность помыться, отоспаться и привести себя в порядок. Их ждало горькое разочарование. Высаживавшиеся

находили небольшой, наполовину греческий, наполовину турецкий городок, разрушенный недавним землетрясением и пострадавший от бомбардировки союзной эскадры при неудачной ее попытке в 1915 году овладеть проливами. К тому же все редкие уцелевшие здания уже были заняты ранее высадившимися частями.

В нескольких километрах от города, в долине небольшой речки, было отведено место для лагеря, где и должны были расположиться прибывающие части. Место это представляло собой неширокую долину с пологими скатами, покрытую колючим кустарником. В отдаленной от моря ее части находилась полуразрушенная ферма с несколькими деревьями. Дальний от города склон постепенно подымался к невысоким горам, покрытым мелким лесом. По дну долины протекала небольшая речка, впадающая в Дарданелльский пролив.

Шли дожди, дороги и тропинки из города в лагерь превратились в грязное месиво, которое пудовой тяжестью налипало на сапоги. И при таких условиях приходилось на плечах переносить из города в лагерь составные части палаток и продовольствие, а обратно на самодельных носилках — многочисленных больных для помещения их в наскоро развернувшиеся лазареты.

Отчаяние охватывало многих, но железная рука генерала Кутепова сдерживала его взрывы. Он не был популярен первое время, многие испытывали к нему зlobные чувства, и только потом поняли, что этот человек своей решительностью и твердой волей спас остатки армии от разложения и бесславной гибели...

Время шло, первые, самые трудные недели были пережиты, и порядок начал восстанавливаться. Лагерь уже представлял собой правильные ряды палаток с расчищенными передними линейками, посыпанными песком, на них возвышались укрытия для полковых знамен, и около них были разбиты незатейливые клумбы с выложенными из камней и раковин российскими государственными орлами...

Стало пригревать весеннее солнце, люди повеселели, помылись, почистились, привели в порядок свою одежду, а многие пошили себе белые рубашки-гимнастерки из внутренних полотнищ палаток. Нестройные толпы все потерявших людей, высадившиеся в сумрачные дождливые дни ноября, превратились вновь в воинские части, спаянные дисциплиной и верой в правоту своего дела. «Чудо Галлиполи», как потом многие называли это превращение. Да, поистине это было чудо, которое могло свершиться только при безграничной вере в главнокомандующего и при твердой воле генерала Кутепова, не побоявшегося взять на себя всю одиозность мер по сохранению армии. Армия, разбитая физически, принужденная уйти в неизвестность, покинув последний клочок родной земли, морально уничтожена не была. В глубине сердца она знала, что боролась и несла все испытания за правое дело...

Она знала также, что главнокомандующий в Константинополе ведет тяжелую борьбу с союзным командованием за ее сохранение, что его стараются отделить от армии и не допустить посещения им лагерей в Галлиполи и на Лемносе.

Но вот в начале апреля распространился слух, что генерал Врангель все же приезжает в Галлиполи. Слух этот подтвердился, и в один из весенних апрельских дней яхта «Лукулл» подошла к Галлиполийской пристани. Французы выставили почетный караул. Приняв его, Врангель тут же наградил орденами французских офицеров, чем завоевал их симпатии.

На другой день утром был назначен парад в лагере. Погода хмурилась, когда части пехотной и кавалерийской дивизий построились на левом фланге лагерного расположения правильным четырехугольником, одна сторона которого была открыта к дороге, по которой должен был приехать главнокомандующий. Подтянутые, со знаменами и оркестрами музыки на флангах, полки производили внушительное впечатление своим видом и выправкой.

Несколько времени томительного ожидания, и наконец со стороны города показалась вереница автомобилей. Врангель легко соскочил с первого из них и быстрыми шагами направился к войскам, за ним еле поспевали невысокого роста французские офицеры, во главе с комендантом города подполковником Томассен, и многочисленная русская свита.

Раздались слова команды, и в это время выглянуло солнце из покрывших небо туч. «Здравствуйте, родные корниловцы», — слышался слегка надтреснутый голос Врангеля, и вслед за ответом по всему полю покатилося громкое ура... Остатки армии, вновь приведенные в порядок, этим «ура» закрепляли свою неразрывную связь с Главнокомандующим, веру в него и готовность продолжать борьбу с временными поработителями родины...

* * *

Начиная с июня 1921 года, согласно заключенного Командованием соглашения с представителями славянских стран, началась постепенная перевозка частей I армейского корпуса из Галлиполи в Сербию и Болгарию.

В первых числах августа два полка пехотной дивизии погрузились на транспорт «Решид-Паша», который должен был их доставить в Варну. Дни стояли жаркие, в трюмах, где должно было разместиться большинство людей, духота была страшная, все с трудом дышали и обливались потом. К тому же в Мраморном море начало слегка качать, и у скученных до последней возможности людей появились признаки морской болезни, что сделало плавание еще более трудным.

Прошли Константинополь, и, подходя к Буюк-Дере, пароход замедлил ход. От маленького «Лукулла», который стоял на якоре

недалеко от русской посольской дачи, отвалил катер и начал быстро приближаться к пароходу. Спустили трап, и на палубу поднялся Врангель. Пароход продолжал идти замедленным ходом, Врангель сказал несколько ободряющих слов о надежде, что в братской Болгарии люди найдут себе заслуженный отдых после Галлиполийских испытаний. И вновь все почувствовали, насколько тесно их судьба связана с Главнокомандующим и как крепка вера в него.

Врангель спустился в катер, подняли трап, и пароход полным ходом пошел в Черное море к берегам Болгарии, новому этапу в жизни армии на чужбине...

* * *

1926 год в Париже. Постепенно отдельные чины армии начали перебираться из Сербии и Болгарии во Францию, чтобы устроиться здесь на работу, главным образом в шахтах и на заводах. Франция, обескровленная недавно закончившейся войной, нуждалась в рабочих руках и охотно принимала русских белых воинов.

Врангель, устроив армию на новое для нее рабочее положение, покинул Сербию и переехал в Брюссель. Теперь он прибыл в Париж, чтобы повидать своих старых соратников.

В одном из больших, но скромных ресторанов, предназначенных для свадеб и банкетов, на окраине города, вечером был назначен обед по подписке, на котором должен был присутствовать и Врангель.

Задолго до назначенного часа стали собираться участники обеда. Еще в поездах метро их можно было легко отличить от французов: одетые в скромные, зачастую потертые костюмы, приобретенные по случаю, с неумело завязанными галстуками, они сохранили свою прежнюю военную выправку. Зал быстро наполнился и гудел оживленными голосами. Старые соратники вновь встретились, и казалось, что статское платье они надели лишь временно, что надежда еще не потеряна на то, что вновь они облекутся в форму своих родных частей и снова пойдут на борьбу...

— Господа офицеры, — раздалась команда, и в зал вошел Врангель. Он тоже был в штатском, которое, по его признанию, не любил и не умел носить. Обед начался. Было произнесено много речей и тостов, во всех них звучала вера в лучшее будущее и неразрывная связь с тем, кто, несмотря на изменившееся положение, по-прежнему в сердце каждого оставался Главнокомандующим, за которым все вновь пойдут без колебаний, если это будет суждено...

* * *

Февраль 1928 года... В Галлиполийском собрании назначена встреча генерала Врангеля со старшими начальниками...

Рабочий квартал Парижа со скучными, однообразно-серыми домами. Узкий проход ведет с улицы к небольшому двухэтажному

особняку, который расположен как в колодце, окруженный более высокими домами. Скромный зал, переделанный из когда-то помещавшейся здесь мастерской. Стены украшены национальными флагами и портретами покойного государя и вождей Белого движения. Один угол зала затянут занавесью — там помещается походная Галлиполийская церковь... Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова... Входит Врангель... он осунулся и похудел, но по-прежнему в глазах молодой блеск. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову.

Все присутствующие знают, что между ними существуют разногласия. Врангель не одобряет ту работу, которую ведет Кутепов в России, считая, что она не даст положительных результатов и лишь вызовет жертвы среди лучших и наиболее активных чинов армии. Все хорошо оценивают всю самоотверженную работу обоих генералов, которые по-разному стремятся к одной и той же цели — освобождению России, но в глубине сердец больно переживают эти несогласия.

«Здравствуй, Александр Павлович, — раздался несколько хрипловатый голос Врангеля, — что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт позавтракать, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил»...

Кутепов улыбнулся и что-то ответил... Лед был сломан...

* * *

В апреле начали доходить из Брюсселя тревожные известия о какой-то непонятной и загадочной болезни Врангеля, а 28 апреля пришло роковое сообщение, что его не стало...

*Январь-февраль 1948 года
Париж*

